

Намъ кажется, что у насъ въ Россіи придаютъ слишкомъ много значенія мистеру Фарлей и всѣмъ его затѣямъ въ пользу славянъ. На сколько мы припоминаемъ изъ своего знакомства съ сочиненіями этого господина о Турціи (къ сожалѣнію, неизданными теперь подъ рукою), Фарлей далеко не въ давнее время относился къ Турціи совсѣмъ иначе. Если не ошибаемся, онъ даже состоялъ самъ на турецкой службѣ, — кажется, консуломъ — и пользовался милостію Фуадъ-паши, которому даже посвятилъ одно изъ своихъ сочиненій (кажется подъ названіемъ «The Resources of Turkey», издано въ концѣ шестидесятыхъ годовъ). Сочиненіе это составлено главнымъ образомъ по устарѣлымъ уже книгамъ Уркварта и Убичини, которые дружелюбны къ славянамъ и Россіи вовсе не отличались. Даже въ одной изъ послѣднихъ своихъ брошюръ: «The Decline of Turkey», 1875 г. *), Фарлей о нихъ заботится весьма не много, а главное — печется объ англійскихъ торговыхъ интересахъ. Такъ, для этой цѣли онъ предлагаетъ на развалинахъ турецкаго государства основать особую торговую компанію (Ливанскую по названію), на манеръ знаменитой Остъ Индской, которой и передать всѣ теперешніе долги и управленіе Турціи! Какъ видите, сей хитроумный англичанинъ желаетъ, короче сказать, чтобы восточные христіане изъ посредственной англо-турецкой кабалы попали въ другую непосредственную англійскую неволю. Стоитъ вспомнить безутѣшное положеніе Индіи...

Теперь времена измѣнились: Фарлей уже не имѣетъ прямого интереса въ Турціи, не состоя у ней на службѣ; между тѣмъ либеральная партія въ интересахъ оппозиціи начала кричать объ угнетеніи восточныхъ христіанъ, и вотъ Фарлей основываетъ свою Лигу и ратуетъ о сближеніи Англій съ Россіей.

«Сжигая то, чему поклонялся
Поклоняясь тому, что сжигалъ...»

Возражая г. Аксакову на счетъ сэра Арнольда Кембала, Люисъ Фарлей замѣчаетъ про него, «что онъ честно исполняетъ свою обязанность». Насколько это справедливо, можно судить по корреспонденціи «Times'a» изъ турецкой арміи въ Малой Азіи отъ пятницы 13 іюля (н. с.). Корреспондентъ, описывая всевозможныя достоинства сэра Кембала (его знаніе многихъ восточныхъ языковъ и военную опытность вмѣстѣ съ тѣмъ) говоритъ слѣдующее: «онъ способенъ приобрести довѣріе ихъ (т. е. турокъ) и давать имъ совѣты въ щекотливыхъ и затруднительныхъ дѣлахъ (and so to advise them in delicate and difficult matters), когда другой менѣе опытный человекъ оставался бы безучастно въ сторонѣ, или бы видѣлъ свои совѣты пренебреженными». Затѣмъ откровенный корреспондентъ указываетъ на сильную любовь сэра Кембала въ турецкому солдату, и спохватившись нѣсколько замѣчаетъ, что онъ умѣетъ держать себя нейтральнымъ!!.. Неправда ли, хорошъ нейтралитетъ и «честное исполненіе обязанностей» этого добраго и любящаго совѣтника турокъ?!

«Вашу руку, товарищ!»

(Письмо Д. Л. Мордовцеву.)

Письмо это мы получили черезъ Д. Л. Мордовцева съ слѣдующей пояснительной запиской:

«Милостивый Государь Павелъ Александровичъ,

«А. С. Гацскій прислалъ мнѣ на просмотръ открытое письмо, которое проситъ, по прочтеніи, препроводить къ вамъ.

«Исполняя это, я покорнѣйше прошу васъ, печатая письмо г. Га-

цискаго, напечатать вмѣстѣ съ тѣмъ и два маленькихъ подстрочныхъ примѣчанія къ нему, которыя и составляютъ мой отвѣтъ на письмо моего провинціального друга-противника.

«Пользуюсь случаемъ и т. д.

Д. Мордовцевъ.

«Годъ или полтора тому назадъ, пишете вы, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, въ «Провинціальной ласточкѣ» (№ 477 «Новаго Времени») вопросъ о провинціальной или областной печати... выступивъ на смѣну другихъ... вѣроятно овладѣлъ-бы господствующею, такъ-сказать боевою позиціею въ литературѣ и общественномъ мнѣніи, если-бы... не всталъ передъ изумленною Европою вопросъ славянскій»...

Какъ въ своемъ «бранномъ» посланіи, адресованномъ мною вамъ въ прошломъ году («Смерть провинціи или нѣтъ?»), такъ и теперь скажу я, что именно вамъ преимущественно провинціальная печать должна быть благодарна за то, что вы подмѣтили движеніе въ ней, не подмѣченное другими. Съ вашихъ вѣдь статей и загорѣлся весь сыр-боръ... Напали вы на насъ крѣпко, занесли и мы свои кулаки на васъ до того, что вы даже остервенились... (Точный вѣдь я терминъ употребляю относительно «Quos ego»?...) Я стою и теперь на томъ, на чемъ стоялъ; вы уступили *) въ № 477 «Новаго Времени». Честь вамъ и хвала! Стоять крѣпко на своихъ позиціяхъ — недурно; но сознать, что занимаешь не подобающія позиціи и уйти съ нихъ — еще лучше, потому что труднѣе и почетнѣе. Честь-же вамъ и хвала за вашу «Провинціальную ласточку», какъ вы называете «Вятскую Незабудку», за то, что вы поняли цѣли и задачи этого новаго и оригинальнаго провинціального изданія... Я замѣтилъ кое-какія (едва впрочемъ замѣтныя) старыя отрыжки въ «Провинціальной ласточкѣ», но общій тонъ статьи таковъ, что не хочу и останавливаться на нихъ... «Кто старое помянетъ, тому глазъ вон!»

Роль ваша, однако, по отношенію къ возбужденному вами въ петербургской журналистикѣ вопросу о провинціальной печати, не кончена. Съ цѣлью указать на это и пишу вамъ. На васъ, какъ на писателя, отъ котораго сыр-боръ загорѣлся, и лежитъ обязанность, какъ на дѣятельномъ сотрудникѣ многихъ петербургскихъ изданій, пока эти изданія составляютъ все-таки обильную пищу для чтенія всяческой нашей, — и столичной и провинціальной — публики, разъяснять ей, этой публикѣ, смыслъ и значеніе провинціальной печати. **) Вамъ это тѣмъ болѣе легко, что явились вы съ вашей «Провинціальной ласточкой» къ самому г. Суворину, и г. Суворинъ (чего ужъ: и г. Тургенева не боится!), не смотря на всю свою антипатію къ провинціальной печати, расшаркнулся-таки передъ вами... хотя и не удержался отъ вопроса: «почему широковѣщательныя рѣчи разныхъ земскихъ дѣятелей и т. д. значатъ больше «э», сказаннаго Салисбюри и «о», сказаннаго Мидхатомъ»...

Я стѣсняюсь писать открытое письмо г. Суворину непосредственно, потому что... какъ-бы вамъ сказать?.. Ну да хоть потому, что въ онія времена, когда я чуть не преклонялся передъ петербургской журналистикой, я очень любилъ и г. Суворина...

*) Мнѣ очень не хотѣлось бы огорчать васъ, добрый «товарищъ», обличеніемъ вашей невольной ошибки, но я долженъ это сдѣлать: — я не уступилъ и не отступилъ въ № 477 «Новаго Времени» отъ того, что говорилъ въ свое время въ «Дѣлѣ»; я и не отступлю отъ этого, пока въ процессѣ развитія человѣческихъ обществъ будутъ видѣться извѣстныя законы, за незнаніе которыхъ, какъ вы сами сознаетесь, проф. Вагнеръ поставилъ вамъ дважды единицу (припомните камень, брошенный вами въ меня и въ мои законы въ «Нашемъ Вѣдѣ»), и которые «неписаны» только тѣмъ господамъ, изъ числа коихъ я васъ всегда выдѣлялъ. Д. Мордовцевъ.

**) Я это уже и сдѣлалъ. Еще до полученія настоящаго письма вашего, я передалъ А. С. Суворину особую по этому предмету статью, которая вѣроятно появится въ печати раньше настоящаго вашего либезнаго ко мнѣ обращенія и сего моего такового же отвѣта на оное. Д. Мордовцевъ.

*) Съ портретомъ почему-то того же Фуадъ-паши.

Такъ передайте ему, пожалуйста, что если ему неизвѣстно, почему для русскаго (петербуржца-ли, провинціала-ли—все равно) даже глупая рѣчь глупаго земца интереснѣе «э», сказаннаго Салисбюри, то пусть спроситъ онъ объ этомъ открытымъ письмомъ (онъ вѣдь привыкъ писать ихъ на-право и на-лѣво, безъ разбору) Салисбюри: тотъ навѣрное знаетъ, почему для англичанина глупая рѣчь глупаго джентльмена на митингѣ интереснѣе «э», сказаннаго г. Суворинымъ... Ну, да пожалуй, и не передавайте... Что намъ Суворинъ, и что мы Суворину!...

Итакъ, «вашу руку, товарищъ!»... Если я въ прошломъ году завѣрялъ вамъ въ своемъ искреннѣйшемъ уваженіи, считая васъ такъ-сказать своимъ «политическимъ врагомъ», то теперь завѣряю вамъ въ этомъ уже безъ всякой «политики»...

Примите-же, Данилъ Лукичъ, увѣреніе въ искреннѣйшемъ моемъ уваженіи къ вамъ.

А. Гацискій.

1 іюля 1877 г.
Нижній Новгородъ.